

И. В. Булгутова*Улан-Удэ, Россия***МИФОПОЭТИКА СЮЖЕТА ОБ ОХОТЕ
В БУРЯТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ**

Раскрываются особенности сюжета об охоте в произведениях бурятских писателей, рассматривается сюжетная ситуация «случай на охоте», устанавливается общность в ее художественной интерпретации, определяемая логикой мифа. Мифопоэтика сюжета об охоте определяется осознанием случая и выявлением его связи с предустановленной закономерностью. В сюжете об охоте раскрываются универсальные законы бытия человека и природы, призванные сохранить или восстановить баланс при взаимодействии противоположных начал. В произведениях Б. Ябжанова и С. Доржиева «случай на охоте» трактуется как с точки зрения носителя профанного сознания, так и с точки зрения сакрального, подобное сопоставление позволяет раскрыть бессознательные начала природной жизни и их постижение в традиции. В статье также раскрывается регулятивная функция мифосознания в выстраивании различных вариантов сюжетной ситуации «случай на охоте», в частности в сюжете вставных историй выявляется мотивный комплекс «запрет – нарушение запрета – наказание».

Ключевые слова: сюжет, сюжетная ситуация «случай на охоте», мифопоэтика, мифосознание, тотемизм.

В бурятской литературе, как и в литературах других народов Сибири, немаловажное значение имеет сюжет об охоте, отражающий один из традиционных видов промысла для части населения, проживавшей в лесной и лесостепной зоне. В бурятской литературе XX в. освоение сюжета об охоте связано с творчеством писателя Михаила Жигжитова, который был профессиональным охотником и пришел в литературу со своей темой. Так, в его трилогии «Подлеморье» центральный образ – образ охотника-эвенка Магдауля Волчонка, в повестях «Моя малютка Марикан», «Тропа Самагира», «За ущельем Семи волков» раскрывается образ охотника-эвенка Самагира, в этих произведениях охота показана как неотъемлемая часть повседневной будничной жизни с подробным изображением традиционных ритуалов.

Мы обращаемся к тем произведениям бурятской литературы, в структуре которых важна сюжетная ситуация «случай на охоте». Охота в бурятской литературе рассматривается в широком контексте природной жизни и понимается не только как исключительно занятие человека. В повести бурятского писателя Балдана Ябжанова «Эхэ шоно» (Волчица) воспроизводится история семьи волков от ее возникновения до гибели, многие эпизоды повести, в том числе и случаи на охоте,

Булгутова Ирина Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Бурятского государственного университета (ул. Ранжулова, 6, Улан-Удэ, 670000, Россия, irabulgutova@mail.ru)

раскрываются как бы с точки зрения самих животных. Повествование включает в себя две ретроспекции: в начале, когда волчица с выводком ждет отца семейства – добытчика, раскрыта предыстория волчьей семьи до рождения волчат, вторая ретроспекция появляется после гибели волка в ловушке, устроенной людьми, опять же с точки зрения волчицы воспроизводится момент первой встречи волков. Автор выстраивает свою концепцию природной жизни, сохранение баланса в которой возможно только при соблюдении естественных законов, поэтому возникает противопоставление людей и животных, поведение которых, в отличие от людей, определяется только биологическими факторами.

Өөрүн табисууртай өөрүн ёһо жаматай байгаалин олон тоото үринэрэй зарим нэгэнэй амидаралай түлөө нүгөө бэшэнэйнь ами бэе хороогдохо ушар зохёолдобо [1, с. 52].

Свой замысел и свои законы есть у природы, по которым ее многочисленные дети ради продолжения жизни одних вынуждены отдавать свою жизнь.

В структуре повести важны две сюжетные ситуации «случай на охоте», ведущие к столкновению мира животных и мира людей, которое становится возможным в контексте общей экстремальной ситуации военных лет. Первый эпизод охоты – это нападение волка на жеребца, второй – волчицы на стельную корову, в обоих случаях нападение на домашний скот превращается в схватку, это столкновение хищников и травоядных становится проявлением вечного противоборства разных начал природы. Как поражение волка в схватке, так и победа волчицы ведут к их дальнейшей гибели от руки человека. В авторской концепции природные законы мудрее и совершеннее людских, охота в животном мире происходит ради выживания, определяется на уровне инстинктов, людям же самим надо устанавливать меру, придерживаясь традиционных воззрений. Регулятивная функция мифосознания раскрывается в ситуации, когда охотник не стреляет в беззащитную волчицу, плывущую по озеру с волчонком в зубах, вспомнив предание о том, как когда-то другой охотник убил волчицу, переносившую вплавь в зубах своих детенышей. Наказанием ему стала потеря собственной семьи.

Тэрэ браконьерэй гэр бүлэ, һамга үхибүүдһнь бултаараа гээгдэһэн гэхэ. Юундэб гэхэдэ, тэрэ шоро муута буудалгаараа ганса шонын үринэрһе бэшэ, харин өөрһнгөө уг узурһе, үри һадаһһе үндэһөөрһнь таһалжархёо ха... [1, с. 57].

Семья того браконьера – и жена и дети – все погибли, потому что тем роковым выстрелом он не только прервал волчье потомство, но и оборвал корни и ростки своего рода.

История об охотнике, нарушившем негласные запреты природного мира и получившем соответствующее наказание, раскрывается во вставном рассказе, в котором дается мифологическое представление о всеобщности законов бытия, о незримых связях в мире. В повести «Волчица» прослеживается история мести как волков, так и людей. Нападение волков на домашний скот вызывает преследование семейства со стороны людей, в ловушке погибает ослабевший от травм волк – глава семейства, человек беспощадно убивает все волчье потомство, волчица же, которая мстит людям, не убивает человеческое дитя, так как материнский инстинкт в ней оказывается сильнее. Сам показ жизни волков с внутренней точки зрения, некоторые сюжетные моменты, в частности волчьей мести людям за погубленное потомство, схожи с линией повествования о волках Акбаре и Ташчайнаре в романе Ч. Айтматова «Плаха», не вдаваясь в причины сходства сюжетной

линии, отметим лишь, что «Волчица» Б. Ябжанова была напечатана в журнале «Байгал» в 1984 г., «Плаха» Айтматова впервые была опубликована в журнале «Новый мир» в 1986 г. Сюжетная линия повести «Волчица» определяется общим контекстом авторских размышлений о закономерностях естественной природной жизни, в которую, по традиции, вписывается жизнь человека.

В рассказе Б. Ябжанова «Бар хүсэтэнэй хурим» («Медвежья свадьба») сюжетная ситуация «случай на охоте» – это встреча охотника с медведями и его чудесное спасение. Как известно, «сюжет встречи охотника с медведем в тайге является распространенным в литературах народов Сибири, что обусловлено как жизненным материалом, который служит сюжетной основой для большинства произведений, так и общностью фольклорного пласта культур многих сибирских народов» [2, с. 194].

Ситуация в рассказе раскрывается с точки зрения старого охотника, хранителя традиций Найдана-таабай, вспоминающего случай на охоте, произошедший с ним в юности, т. е. в какой-то степени это охотничья байка. Охотник оказался свидетелем брачных игр медведей – «свадьбы», куда явилось девять особей, причем медведи – это и «хангайн баатарнууд» (батыры Хангая), и «хангайн хүбүүд» (сыны Хангая) и «кавалернууд» (кавалеры), и «хүрин дэгэлтэй» (бурополые) и «дулаан дахатан» (теплошубые), а медведица – «һаншагта хатан» (длинновласая царица) и т. д. [3, с. 78–79]. Эвфемистическое название медведей свойственно тотемистическому мышлению, в котором они почитаются как «хозяйева тайги» (тайгын эзэд). Такое уважительное отношение характерно для сознания охотника, который включен в единую энергетическую цепочку со всем живым миром природы и может достичь успеха только в органичном взаимодействии с ним. В тотемистическом мирозерцании, как известно, «человек и окружающая действительность, коллектив и индивидуальность слиты; а в силу этой слитности общество, считающее себя природой, повторяет в своей повседневности жизнь этой самой природы» [4, с. 52]. Автор дает две версии чудесного спасения охотника. По первой из них, охотник Найдан сумел уйти живым со «свадьбы» медведей, потому что у медведей тоже есть «память о предках», когда медведи замечают присутствие охотника, он отважно кричит им: «Би Баасанай ашаб! Зогсогты!» («Я – потомок Баасана! Стойте!») [3, с. 80]. Напоминание об отважном охотнике Баасане, который в юности убил огромного медведя-альбиноса – «первопредка» медведей, «воздействует» на них, и они отпускают охотника, не причинив ему вреда. Старый охотник дает и другое объяснение своего спасения, в основе которого народное понимание:

Баабгайнуудшни, хубаа, хуримаа хэжэ байхадаа, амитай юумэн бүхэндэ, угаа ядахадаа буутай ангуушандашье хоро хүргэдэггүй амитан юм ха. Тэдэшни, хубаа, амидаралай эхи табижа байхадаа, амидаралай үндэһе таһалдаггүй амитан гээшэ ааб даа. Харин баабгайнуудай жаргалаа эдлэжэ байха үедэ ангуушаншье баһа тойрожо гараха ёхотой юм. Байгаалин жама ёһо иимэ юумэл даа [3, с. 80].

Медведи, паря, во время своей брачной поры не причиняют вреда живым существам, даже охотнику с ружьем. Они, паря, когда дают истоки жизни, не обрывают корни и ростки её. Но и охотник в эту пору их земного счастья должен обходить их стороной. Таков закон природы.

Соблюдение неписаных законов природы мыслится обязательным для людей и в другом рассказе Б. Ябжанова «Өдэнь шэдэһэн шулуун» («Камень, брошенный вверх»), в финале которого сюжетная ситуация «случай на охоте» – случайное, казалось бы, убийство охотника его племянником, оказывается закономерной в контексте мифосознания. Из представления о существовании вечных незыбле-

мых законов природы исходит комплекс мотивов «запрет – нарушение – наказание», так, эта идея звучит в самом названии рассказа Б. Ябжанова.

В основе сюжета постепенное постижение молодым человеком, от лица которого ведется повествование, законов природы. Изображается несколько эпизодов охоты на животных дяди и племянника, эти сцены важны в развертывании сюжета. В первой части охота в запретный брачный период на изюбра воспринимается юным охотником как хищническое убийство и вызывает неприятие, во второй части охота на белок пробуждает у него охотничий инстинкт и азарт, в третьей – он добывает ценный мех соболя. В охотничьих рассказах Б. Ябжанова всегда есть авторитетный носитель народной точки зрения, раскрывающий традиционные мифологические представления. В охотничьих рассказах это тотемистические воззрения, которые проявляются в моделировании мира на самых разных уровнях произведения, например в цитируемой автором бурятской пословице, в которой ситуация описана с точки зрения изюбра:

Дууем шагнахаа ерэнэн хүн минии наһые абаг, амиием таһалхаяа ерэнэн хүн эбэрэйм наһые абаг! [3, с. 93].

Кто пришел послушать мою песню, пусть возьмет мои годы, кто пришел прервать мое дыхание – пусть возьмет количество лет рогов моих!

Здесь прослеживается не только свойственное тотемизму неразличение субъекта и объекта, в этом пожелании-проклятии выражается магия действенного слова, слова изюбра призваны продлить ему жизнь, человеку-охотнику как бы дан выбор: если он принимает пожелание долголетия в первой части, то он сохраняет жизнь животному, в противном случае, он принимает на себя проклятие. Весь механизм здесь основан на непроизвольной вере человека в слова и их значение в минуту первоначального восприятия. Мотив кровнородственных связей с миром природы своеобразно реализуется непосредственно в образах самой крови:

Бугын алтан амияа табиha, хүдэлсэгүй болошоходонь, Хуржаан абга шоно шэнгээр хоолойдонь аһашаба. Тэрэ наранай толондо ялалзаһан хурса эритэй хутагаараа хоолойень отолжорхибо. Ягаахан халуухан шуһан адхаршаба. Ангуушан альгаараа тодожо абаһан шуһа хэдэ хэдэ дахин шоршогоносо хоробо [3, с. 93].

Когда замерло последнее золотое дыхание изюбра, Хуржаан абга, как волк, бросился к его горлу. Острым лезвием, сверкнувшим в лучах солнца, он перерезал ему горло. Красная горячая кровь хлынула потоком. Охотник подставил ладони под струю, и несколько раз шумно отпил крови.

В тотемизме реализуется идея взаимоперехода энергии, потому что «...еда получает семантику космогоническую, смерти и обновления вселенной, а в ней всего общества и каждого человека в отдельности, то есть тотема» [4, с. 64–65]. Мифологическая идея превращения и взаимозаменяемости во Вселенной реализуется и в следующем представлении о животном:

Булганшни, хубаа, угаа сэсэн, угаа мэхэтэй амитан юм. Хандагай, бугануудай зүргэ дээрэхи модоной гэшүүһэндэ аһалдаад һуудаг. Модон доогуурнь тэдэнэй гарахада, хүзүүндэнь аһажа гүрөөнь таһа хазажа унагаадаг юм. Туруута ангуудай халуун шуһа уудаг хадаа булганшни, хубаа, ехэ һайхан һорьмоһотой ха юм [3, с. 98].

Соболь, пара, очень умное и очень хитрое животное. Он сидит на деревьях над тропкой, где проходят маралы и изюбры. Когда же они проходят под деревом, он

бросается им на шею и перегрызает сонную артерию. Соболь пьет живую горячую кровь копытных, паря, поэтому у него такой красивый мех.

Автор приводит такую народную по своей сути точку зрения на животного, которая стала возможна и где-то за счет слитной самоидентификации тотемистического мировоззрения, в котором человек может ассоциировать себя с любым животным.

Жизнь в природных условиях определяет сохранность мифосознания, и опытный охотник Хуржаан следовал им. Например, перед охотой на медведя он проводит обряд, принося воздаяние (сэржэм):

Ой тайгын хүсэтэ эзэн, / хаадаг хуягтай юм хаа / байлдаанда бодожо бэлдэ, /
ханшагта хатан юм хаа, / Бэээ хүнгэлжэ бэлдэ [3, с. 101].

Могучий хозяин тайги, если у тебя есть оружие, готовься к бою. / Если же ты таежная царица, / Разрешишь от бремени и приготовься.

Охотник напоминает своему юному помощнику:

Эдэшни ехэ амитан гүбэ. Дан дурандаа абахагүиш. Иимэл хадань уг гарабалнай
хэр угһаа хойшо хүгэдэжэ, шүтэжэ ябаа юм. Элинсэг хулинсагайнгаа ёһо заншалые
мартажа болохогүй бшуу [3, с. 101–102].

Это великие существа. Так просто не возьмешь. Поэтому наши предки с давних пор верили и почитали их. Нельзя забывать заветы и обычаи своих предков.

Охотник Хуржаан, зная законы природной жизни, сознательно нарушает их, не приглашая на опасную охоту других охотников из-за жадности. Кульминационным же моментом в рассказе становится охота дяди и племянника на медведя в берлоге, во время которой выстрел юного охотника попадает в родного дядю. То, что воспринимается юным охотником как трагическая случайность, с точки зрения опытного охотника, закономерность, перед смертью Хуржаан-абгай говорит о том, что его гибель – это наказание за безмерное число погубленных животных. Автор сам также следует регулятивной функции мифосознания, выстраивая сюжет рассказа таким образом.

Именно в условиях охотничьего быта, когда человек не может полностью полагаться только на себя, а включен в целую систему взаимодействия, возникает и сильная вера, и суеверия. В рассказе С. Доржиева «Ажабайдалай жама ёһо» («Закон жизни») сцены охоты играют ключевую роль, он включает как описание охоты, так и рассказ охотника – предание о случае на охоте. В рассказе раскрывается история охоты людей на медведя-шатуна, убившего старого охотника. Случай на охоте – «убийство охотника зверем» – воспроизводится автором как нарушение баланса, для людей необходимость убить шатуна не просто месть, а восстановление нормы. Обращает на себя внимание натуралистическая достоверность деталей, обнажающих всю жестокость и реалистичность произошедшего на охоте. «Сюжетность детали состоит прежде всего в том, что истинный, глубокий смысл детали раскрывается только в сюжете, причем не столько в данной ситуации, сколько во всем течении и развитии сюжета в целом» [5, с. 335]. Детали, воспроизводящие реалии человекоубийства, казалось бы, обосновывают право человека на месть подобной же жестокости, но необходимость соблюдения природных законов требует другого отношения:

Амитание доромжолжо болохогүй. Тиигэбэл энэ юртэмсөө доромжолһондол адли бшуу [6, с. 75].

Нельзя унижать [оскорблять] животных. Это все равно, что оскорблять вселенную.

Именно эти законы постигает юный человек, с точки зрения которого показана история преследования и охоты на шатуна. При этом юноша проходит свой путь внутреннего становления. В произведение включен вставной рассказ, который звучит из уст старого охотника в один из моментов преследования зверя. На первый взгляд, сюжет предания, зафиксированный еще в известной бурятской народной песне «Харганын саана найгааша хайрата ахай хөөрхы...», никак не соотносится с внешней сюжетной канвой. В основе сюжета трагическая ситуация на охоте, случайное убийство старшим братом младшего. Как известно, «...неизбывная динамичность бытия в ее амбивалентности – вот что постигается с помощью случайностей архетипического сюжета» [7, с. 181]. В истории, описанной автором, для старшего брата настоящим внутренним испытанием становится неслыханная удачливость младшего, всеми силами он старается подавить в себе зависть:

Ангуушан өөрөө өөртөөшье, аза талаандаашье ехээр голхороо гомдоо хааб даа. Яахадаа хэшэгтэ хангай нэгэндэ ехээр үршөөгөөд, нүгөөдэдэнь харамнааб? [6, с. 86].

Охотник очень сильно обижался сам на себя и на свою удачу. Почему щедрый Хангай одному дает так много, а другому жалеет?

Вся цепочка случающихся здесь трагических событий имеет внутреннюю связь и психологическую подоплеку. Писатель – замечательный психолог, не случайно уделяет преимущественное внимание внутреннему состоянию старшего брата, потому что именно его духовный опыт поучителен. Старший осознает, что его случайный роковой выстрел стал возможным из-за его огромного желания добычи и жажды удачи, вызванных завистью к младшему брату. Случайность выстрела обоснована логикой чувств героя. Эта история становится своеобразной кульминацией рассказа, так как проясняет ответственность человека за все то, что происходит с ним и вокруг него в природном мире. Раскрывая значение меры человеческих чувств, автор показывает глубинные закономерности. Сразу после этой вставной истории следует развязка: преследование медведя заканчивается схваткой с ним, в которой побеждают люди, но это стало возможным только после того, как юный герой благодаря услышанной истории сумел умерить свою огромную жажду мести. Баланс природного и социального миров в конечном счете восстановлен с большим трудом усилиями нескольких охотников.

Таким образом, исследование сюжета об охоте в бурятской литературе выявляет различные модели авторского осознания и переосмысления традиционных мифологических, в охотничьих рассказах – тотемистических, воззрений, раскрывающих единокровную связь человека, природы и Вселенной. Логика генетического осмысления явлений и событий, присущая мифосознанию, позволяет авторам выстроить сюжетную ситуацию «случай на охоте» с объяснением ее истоков и причин, с внутренней мотивировкой. Мифопозитика сюжета об охоте в бурятской литературе усматривается в том, что единичный случай, который может быть воспринят как эксцесс, вписывается и получает объяснение в контексте всеобщих универсальных законов бытия как их бессознательное проявление.

Список литературы

1. *Ябжанов Б.* Эхэ шоно // Байгал. 1984. № 4. С. 51–66. (на бурят. яз.)
2. *Непомнящих Н. А.* Варианты сюжета «поединок человека с медведем» в произведениях В. Санги, А. Немтушкина, Г. Кэптукэ и других писателей // Сюжетология и сюжетография. 2015. № 2. С. 194–205.
3. *Ябжанов Б.* Рассказууд // Байгал. 1989. № 6. С. 77–103. (на бурят. яз.)
4. *Фрейденберг О. М.* Поэтика сюжета и жанра. М.: Лабиринт, 1997.
5. *Левитан Л. С., Цилевич Л. М.* Сюжет в художественной системе литературного произведения. Рига: Зинатне, 1990.
6. *Доржиев С.* Эмнин байгаа мүшэмнай [Путеводная звезда: Рассказы]. Улан-Удэ, 2010. (на бурят. яз.)
7. *Хализев В. Е.* Функция случая в литературных сюжетах // Литературный процесс: Сб.ст. / Под ред. Г. Н. Поспелова. М.: Изд-во МГУ, 1981. С. 175–200.

I. V. Bulgutova

Ulan-Ude, Russian Federation

HUNT STORY PLOT MYTHOPOETICS IN THE BURYAT LITERATURE

The article describes basic features of hunt story plot in the works of Buryat writers; considers the story line «hunt case», states the common ground of its interpretation in art determined by the logic of the myth. The hunt story plot mythopoetics is determined by the perception of the incident and identification of its connection with the predestinate regularity. The plot of the hunt story reveals universal laws of human being and nature existence, designed to maintain or restore the balance in the interaction of opposites. In the works of B. Yabzhanov and S. Dorzhiev «hunt case» is defined in terms of both a secular and a sacred consciousness speaker; such a comparison helps to reveal unconscious sources of natural life and their comprehension in traditions. The article also reveals the regulatory function of mythological consciousness in building up various alterations of the story line «hunt case», thus, in the plot of inserted stories one can reveal a motive complex «ban – ban violation – punishment».

Keywords: plot, story line «hunt case» mythopoetics, mythological consciousness, totemism.

Bulgutova Irina V. – PhD in Philology, A/Professor, Department of Russian and Foreign Literature, Buryat State University (6 Ranzhurova Str., Ulan-Ude, 670000, Russian Federation; irabulgutova@mail.ru)